

ПРАВОСОЗНАНИЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

© 2019 г. В. Н. Жуков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 17.07.2019 г.

Аннотация. Цель статьи состоит в том, чтобы показать основные грани правосознания, возможность их освещения с позиции разных философских школ. В статье рассматриваются понятие сознания, природа правосознания, его виды, уровни и структура. Анализируются различные аспекты правосознания: правосознание как отражение политико-правовой реальности и как способ ее существования, соотношение правосознания с государством и правом, объективность и субъективность правосознания, общественная и нормативная природа правосознания, относительная автономность и активность правосознания. Природа правосознания исследуется с позиции методологического плюрализма, сопоставляются позиции материализма, идеализма, позитивизма, кантианства. Показывается ограниченность ленинской теории отражения, в контексте которой долгие годы в советской литературе рассматривался феномен правосознания. В статье делается вывод о том, что правосознание — сложный феномен, результаты его исследования во многом зависят от мировоззренческой позиции, идеологических установок и философско-методологических оснований.

Ключевые слова: правосознание, философия права, общая теория права, правовая идеология, правовая психология, ценности.

Цитирование: Жуков В.Н. Правосознание: философский анализ // Государство и право. 2019. № 11. С. 18–31.

DOI: 10.31857/S013207690007467-5

LEGAL CONSCIOUSNESS: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

© 2019 V. N. Zhukov

Lomonosov Moscow state University

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 17.07.2019

Abstract. The purpose of the article is to show the main facets of legal consciousness, the possibility of their coverage from the position of different philosophical schools. The article deals with the concept of consciousness, the nature of legal consciousness, its types, levels and structure. Analyzes various aspects of legal consciousness: the consciousness as a reflection of the political and legal reality and as a way of life, the correlation of legal consciousness with state and law, the objectivity and subjectivity of legal consciousness, public and normative nature of legal consciousness, the relative autonomy and active consciousness.

The nature of legal consciousness is investigated from the position of methodological pluralism, the positions of materialism, idealism, positivism, Kantianism are compared. The author shows the limitations of Lenin's theory of reflection, in the context of which the phenomenon of legal consciousness was considered for many years in the Soviet literature.

The article concludes that legal consciousness is a complex phenomenon, the results of its research largely depend on the ideological position, ideological attitudes and philosophical and methodological foundations.

Key words: legal consciousness, Philosophy of Law, General theory of law, legal ideology, legal psychology, values.

For citation: Zhukov, V.N. (2019). Legal consciousness: philosophical analysis // Gosudarstvo i pravo=State and Law, № 11, pp. 18–31.

Понятие сознания

Феномен сознания был и остается одной из наиболее сложных тем в науке и философии. По существу, сознание — главная тема философской и религиозной мысли, поскольку именно здесь ставится вопрос о смерти или бессмертии человека. Постигание природы сознания позволяет решить все основные вопросы человеческого бытия, обрести смысл и цели существования человека и человечества. Основоположники марксизма хорошо понимали это, сведя основной вопрос философии к двум его аспектам: соотношению сознания и бытия и познаваемости мира. Поняв, что первично — сознание или бытие, познаваем мир или нет, человек обретает абсолютную истину. Но проблема как раз в том и состоит, что абсолютная истина, по-видимому, нам не доступна, никогда человек не сможет до конца понять истоки и смысл мироздания. Маркс и Энгельс решили для себя данный вопрос в пользу первичности бытия и познаваемости мира. Однако нельзя не замечать очевидного: избранная ими позиция — всего лишь гипотеза, хотя и подтверждаемая набором определенных фактов. Позиция идеалистов ничуть не слабее: она хотя и может противоречить обыденному сознанию, но в конечном счете также опирается на умозрительные идеи и ценностные установки. Утверждения о первичности или вторичности сознания и бытия, о познаваемости или непознаваемости мира в одинаковой мере истинны и ложны, они равноправны в своей бездоказательности. Невозможно достоверно установить первичность или вторичность сознания и бытия, а также с уверенностью утверждать о познаваемости мира. В этом отношении и материализм, и идеализм в одинаковой мере являются метафизическими конструкциями, так как в их основе лежат не фактические данные, а умозрительные фикции, теоретические допущения, ценностные пристрастия. Конечный пункт всех дискуссий о первичности сознания и бытия и познаваемости мира с неизбежностью сводится к вопросу о существовании Бога. Как невозможно с помощью разума доказать существование Бога, так нельзя разрешить основной вопрос философии. Таким образом, вопрос о природе сознания сродни вопросу о бытии Бога: его невозможно разрешить научным способом, обращение к гипотезам и вере неизбежно.

На протяжении всей своей истории человечество пыталось разрешить тайну сознания, а вместе с ней — тайну бытия Бога. Долгое время проблема сознания рассматривалась как тема бессмертия или смертности человеческой души. По мере развития науки сознание становится предметом и ее внимания, его изучают как естественные, так и социальные науки. Вместе с тем и на сегодняшний день природа сознания продолжает оставаться загадкой,

как и многие тысячелетия назад. Сущность сознания для нас недоступна, мы можем установить лишь его проявления. Во-первых, факт сознания устанавливается самим человеком путем самонаблюдения и самоощущения. «Мыслю, следовательно, существую», — говорил Р. Декарт. Во-вторых, сознание индивида характеризует его поведение. Поведение людей (массовое и индивидуальное) позволяет достаточно точно установить содержание сознания, его основные логические ходы. В-третьих, сознание проявляет себя в материальной и духовной культуре. Морфология культуры есть система знаков, созданных сознанием. Важнейшая среди таких систем — язык, при помощи которого мысль, сознание находят свое внешнее выражение. Следует подчеркнуть, что формы проявления сознания не есть само его существо. Посредством форм мы можем установить факт сознания и его содержание, но никак не его природу. Сознание, мысль есть нечто совершенно нематериальное, а потому не поддающееся опытному наблюдению и установлению. Естественным способом исследовать можно мозг, но не мысль. В XIX в., во времена господства вульгарного материализма, так и считали: мозг вырабатывает сознание подобно тому, как печень вырабатывает желчь, поэтому, исследовав мозг, можно понять сущность сознания (К. Фохт, Л. Бюхнер, Я. Молешотт). В XX в. общепризнанное философское и научное представление о сознании не намного продвинулось вперед, хотя и ушло от примитивизма и вульгарности. Чаще всего сознание отождествляли и продолжают отождествлять либо с психикой, либо с некоей информационной системой, способной отражать действительность. В нашей советской и постсоветской философской литературе сознание определяли как свойство высокоорганизованной материи. Очевидно, что данное определение ни о чем не говорит, настолько оно абстрактно и расплывчато.

Много больше мы узнаем о сознании, когда переводим его в плоскость психики или информации. В обоих случаях речь идет о способности сознания отражать окружающий мир, обобщать и наращивать знания о нем. Сознание в форме психической и интеллектуальной деятельности создает модель действительности, более или менее адекватно ее отражая. Здесь познание выступает в виде одного из модусов сознания, а знание отождествляется с сознанием. Такое понимание сознания имеет веские основания, так как сознание — прежде всего способность мыслить, совершать логические операции, отражающие действительность. Бытие предстает для человека только в его сознании и посредством сознания, постижение бытия одновременно означает постижение и сознания, что сформулировал еще Гегель (тождество бытия и мышления). Бытие, представленное в сознании, есть

собственно человеческое бытие, хотя и объективно существующее. В этом смысле сознание можно считать условием собственно человеческого бытия. В материалистической трактовке человеческое бытие есть факт мироздания, где сознание может считаться его элементом. Поскольку сознание постоянно расширяет представление человека о бытии, расширяется само человеческое бытие. Гегелевская идея тождества бытия и мышления, хотя и основана на умозрительной фикции о единстве мира, является вполне работающей гипотезой о способности сознания объективно отражать окружающий мир. Таким образом, сознание предстает нам, как правило, в виде совокупности знаний о мироздании, т.е. по преимуществу в содержательном аспекте: сама способность мыслить, т.е. природа (причина) сознания, нам недоступна.

Уровень и зрелость сознания характеризует феномен самосознания, т.е. способность человека и общества оценить самих себя как разумных существ, ведущих целеполагающую деятельность. Самосознание достигается на относительно поздних этапах развития человечества, во всяком случае вся писаная его история, зафиксированная в истории религии, мифологии и искусстве, уже свидетельствует о наличии самосознания. Самосознание возникает, когда субъект (индивид, род, племя, народ) выделяет себя из мира объектов и осознает себя в качестве самоценного самостоятельного действующего лица, направленного на какой-либо объект. Самосознание — следствие развития субъект-объектных отношений, результат появления дистанции между мыслящим субъектом и объектом. Свою высшую форму самосознание находит в науке. По большому счету вся социальная наука суть бесконечная попытка понять, что есть человек и человечество во всех формах его жизнедеятельности. В условиях развитой культуры феномен самосознания может развиваться в болезненную раздвоенность, «разорванность» (Гегель) сознания. Это случается, когда субъект (индивид, социальная группа, народ), изучая себя и окружающий мир, оказывается перед конфликтом ценностей и необходимостью сделать для себя выбор в пользу одной из них. Так, разорванность сознания весьма характерна для русской интеллигенции, которая с начала XIX в. (П.Я. Чаадаев, славянофилы и западники) и по настоящий день решает вопрос о своей культурной идентичности: Россия — это Европа или особый мир, Россия подчинена общемировым закономерностям или существует по особым законам? Дефект самосознания проявляется также в том, что субъект может неадекватно оценивать самого себя. Так, немцы, приведя Гитлера к власти и провозгласив тысячелетний Третий рейх, увидели в самих себе «высшую расу», «расу господ», призванную повелевать всем миром.

Только военное поражение Германии заставило немцев прийти в адекватное умственное состояние и трезво на себя взглянуть. Если отвлечься от названных эксцессов, в целом следует утверждать, что самосознание есть высшая форма сознания, поскольку именно в факте самосознания проявляется отличительная черта человека — способность к творческой целеполагающей деятельности. Люди, изучая самих себя, стремятся строить свою жизнь осознанно, находить в ней смысл, высшие ценности и цели.

Повторим, феномен сознания открывается нам исключительно в содержательном плане, его природа нам неизвестна. Тем не менее есть целые направления в философии (Декарт, Кант, неокантианские школы, феноменология), ставившие своей целью понять суть сознания и познания. Все философские исследования сознания, как правило, заканчивались тем, что создавались некие модели познавательного процесса, которые выдавались за открытия в области сознания. Так, Кант и его последователи верно указали на субъективность любого знания, поскольку оно проходит через сознание человека, а последнее всегда субъективно. Кантианская гносеология, максимально формализовав процесс познания и выявив его особенности, попыталась сделать выводы о специфике сознания в целом, но это не получилось. «Критика чистого разума» — великое сочинение, но к пониманию сути сознания оно не приближает. «Чистый разум», «чистое сознание» — своего рода фикция, это то, что опытным путем невозможно установить. Философы, понимая данный факт, неизбежно уходят в сторону, переключаясь на теорию познания, где есть нечто фактическое, а именно: формальная логика, способы мышления. Итак, сознание нам представлено в виде своего содержания, как сумма знаний о мире оно отражает и фиксирует сферы человеческой деятельности. В этом смысле общественное бытие и общественное сознание — вещи соотносимые, во многом соответствующие друг другу. И общественное бытие, и общественное сознание отличаются единством, поскольку сама жизнь, сама действительность едина. Вместе с тем общественное сознание традиционно делят на формы, соответствующие сферам общественного бытия. Различают такие формы сознания, как религия, мораль, искусство, философия, наука, политическое сознание, правовое сознание. Перечень, очевидно, не исчерпывающий, но достаточно полно характеризующий духовную культуру общества.

Природа правосознания

Все сказанное о сознании имеет силу применительно к правосознанию. Правосознание — это форма общественного сознания, которая

формируется в процессе политико-юридической деятельности людей. *Правосознание — это совокупность рациональных представлений и чувств, выражающих отношение людей к политико-правовой реальности, а также способ существования политико-правовой реальности.*

Правосознание как отражение политико-правовой реальности и как способ ее существования. В нашей теоретико-правовой науке (советской и постсоветской) сложилась традиция понимать правосознание в свете ленинской теории отражения, суть которой сводится к «положению о вторичности образа, отображения, копии, знания по отношению к их источнику, объекту, оригиналу»¹. Данный тезис есть следствие материалистического решения основного вопроса философии о первичности бытия (материи) и вторичности сознания. Согласно материалистической трактовке, отражение есть универсальное свойство материи, и сознание, будучи «свойством высокоорганизованной материи», полностью подпадает под закон всеобщего отражения. Сознание, утверждает ленинская теория отражения, может существовать только в форме отражения бытия. В пользу данной теории говорит опыт практической деятельности людей, которые не смогли бы осуществлять свое прогрессивное развитие без способности сознания адекватно отражать действительность. В конечном счете в основе теории отражения лежит эмпирический опыт обыденного сознания, воспринимающего окружающий мир, материю как «объективную реальность, данную человеку в ощущениях» (В.И. Ленин). Позиция объективного идеализма не так очевидна, поскольку противоречит эмпирическому опыту обыденного сознания, но в своих исходных теоретических посылах выглядит ничуть не слабее. Если предположить, что в основе мироздания лежит некий мировой разум, или Бог, то материальный мир представляется как следствие его творческой силы. В этом случае разум человека выступает уже в роли не пассивного отражателя мира вещей, а является частицей Творца, который знает в деталях еще не существующую, но уже запланированную к созданию вещь. С точки зрения объективного идеализма человеческое познание есть не процесс отражения материи, а способ ее создания и существования. Так (если проиллюстрировать эту мысль на простых примерах), чтобы построить дом, необходимо сначала создать его в виде чертежа, сделать его модель, т.е. дом первоначально появляется в виде мыслительного образа и только потом — как предмет материального мира. И так во всем: человек сначала создает модель вещи, затем воплощает ее на практике. О государстве и праве

следует сказать то же самое: правосознание можно рассматривать, во-первых, как отражение политико-правовой реальности и, во-вторых, как ее источник и способ существования. Оба утверждения совершенно равноправны и находят свое обоснование в практике.

Трактовка правосознания, данная в контексте теории отражения, нередко страдает односторонностью и вульгарностью. Образно говоря, правосознание сравнивается с огромным зеркалом, в котором отражается политико-правовая реальность. Если следовать данной аналогии, правосознание и политико-правовая действительность предстают в виде двух плоскостей, слабо между собой связанных (ведь между отражением в зеркале и его оригиналом связь весьма опосредованная). А между тем здесь забывается простая и очевидная истина: носителем правосознания и субъектом политико-правовой деятельности является человек, который един, он не делится на политико-правовую реальность и сознание. Люди, обладая сознанием и волей, в ходе целеполагающей деятельности создают свой, человеческий мир, включая государство и право. Политико-правовая реальность есть одновременно процесс и итог общественной практики. В истории философии права государство и право нередко представляли в виде некоей безличной силы, имеющей собственный интерес, свою инерцию развития и противостоящей обществу и индивидам. Такой взгляд вполне оправдан, и в этом смысле правосознание вполне можно представить в виде отражения политико-правовой реальности, существующей в некоторой автономности от общества. Вместе с тем государство и право — это реализованная модель, сформировавшаяся в общественном правосознании и в этом качестве выступающая в роли идеального каркаса политико-правовой реальности. В данном случае государство и право есть отражение правосознания: оно первично, политико-правовая реальность — его материализованная ипостась.

Правосознание, государство, право: соотношение идеального и материального. Поскольку люди суть органическая совокупность материи и сознания, поскольку государство и право есть один из способов жизнедеятельности общества, вполне логично предположить, что политико-правовая реальность состоит из двух компонентов: идеального и материального. Оставляя в стороне мировоззренческий, а потому принципиально неразрешимый вопрос о первичности сознания и материи, важно констатировать, что государство и право представляют собой органическую взаимосвязь материального и идеального. Традиционный набор свойств государства — люди, территория, власть. Идеальная сторона существования государства проявляется в модели поведения людей, заданных

¹ Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. Т. 4: Наука логики — Сигети. М., 1967. С. 185.

правосознанием. Государство есть совокупность людей, распределенных по институтам и реализующих свою деятельность в виде различных функций. Роль сознания здесь не просто велика, она — решающая и определяющая. Если предположить, что люди забыли свои ролевые функции и институциональные связи, государство распадется на глазах. В периоды революций это и происходит: в результате эпидемии всеобщего неповиновения, неспособности власти управлять и нежелания подвластных подчиняться общество как бы забывает привычные стереотипы поведения, что влечет за собой гибель государственного организма. Другой пример — современные народы, культура которых остановилась на этапе каменного века. Особенности их сознания не предполагают организацию государственных институтов, они просто не понимают, что это такое. Государство имеет и материальную сторону: поскольку человек — биологический организм, существующий в условиях материального мира и требующий удовлетворения его физических потребностей, государство есть совокупность материальных объектов. Государство — это прежде всего люди, нуждающиеся в удовлетворении своих материальных потребностей, а потому государство с неизбежностью предстает как один из способов организации материи, материального мира. Государство — это совокупность биологических организмов в лице людей, это территория, на которой они живут, это средства труда, здания, сооружения, материальные ценности и т.д. В материальном смысле государство есть способ физического бытия общества, средство обеспечения его физического выживания. Срединное положение между материей и сознанием занимает власть — волевой феномен, коренящийся в психике человека и расположенный между его физиологией и сознанием. Государственная власть, приводящая в повиновение подвластное население, есть направляемая разумом биологическая энергия людей, находящаяся у власти.

Право также существует в двух плоскостях — материальной и идеальной, что убедительно показали первые советские юристы (Е.Б. Пашуканис, П.Я. Стучка, И.П. Разумовский). Согласно Марксу, право надстраивается над производственными отношениями, закрепляет и обслуживает сложившийся способ производства. Производственные отношения он относит к сфере материи, правовые отношения — к сфере сознания, связь между ними была им лишь намечена. В эпоху Сталина и позднее граница между базисом и надстройкой была абсолютизирована, человек как бы рассекался на две не сообщающиеся между собой части. Получалось, что в сфере производства люди создают материальные и духовные блага, политико-правовая надстройка только отражает данный процесс

в идеальной форме, базис и надстройка существуют автономно друг от друга. На самом деле соотношение базиса и надстройки Маркс описывал гораздо тоньше и сложнее. Заслуга ранних советских юристов состоит в том, что они сумели развить его теоретическое наследие и всесторонне показать механизм взаимодействия экономики и права, материи и сознания. С их точки зрения, право проявляет себя тройко: 1) как производственное отношение; 2) как идеология (правосознание); 3) как совокупность норм позитивного права. Главная ипостась права — правовое отношение в виде производственного отношения, две другие формы права вторичны. Правоотношения, складывающиеся в ходе производственного процесса, одновременно являются и материальными, и идеальными. Материальны они в том смысле, что естественным образом включены в производственные отношения, а идеальны потому, что отражены в сознании и выражены в виде норм позитивного права. Таким образом, право в качестве идеального образования оказывалось и в базисе, и в надстройке, а значит предстало и как материя, и как сознание. Данный подход отражал тот очевидный факт, что производственный процесс и процесс образования правоотношений — две стороны одного явления, опосредованного сознанием. Люди, вступающие между собой в производственные отношения, одновременно формируют и правовые отношения, а все вместе предстает в виде целеполагающей практической деятельности, направляемой сознанием. Именно в этом смысле право есть явление и материальное, и идеальное, является частью и практической деятельности, и правосознания.

Объективность и субъективность правосознания. Поскольку правосознание (как любая другая форма общественного сознания) носит идеальный характер, установить факт его существования опытным путем невозможно. Правосознание предстает нам лишь в виде его объективных проявлений: правотворческой, правоприменительной, правоохранительной деятельности государства, в источниках и формах реализации права, поведении и психологии людей, в символах материального и идеального характера (гербы, флаги, гимны, культовые здания и предметы, мифы, легенды, религиозные тексты), политико-юридических знаниях и т.п. Практическая деятельность государства и права — очевидное подтверждение существования общественного правосознания. Правосознание, хотя и имеет идеальный характер, представляет собой объективную, а лучше сказать — идеальную реальность. Объективность данной идеальной реальности подтверждается фактом существования государства и права как эмпирических феноменов. Правосознание как некое «чистое сознание» — это фикция, не

имеющая смысла. Правосознание в качестве идеальной реальности возможно либо как отражение политико-юридической практики, либо как способ ее существования. Попытка представить себе правосознание вне феноменов государства и права лишена всякого эвристического потенциала. Таким образом, объективность правосознания подтверждается двумя вещами: во-первых, правосознание есть идеальная реальность в том смысле, что оно в целом объективно отражает политико-юридическую практику; во-вторых, правосознание — это способ идеального бытия государства и права.

Вместе с тем правосознание субъективно, что доказано различными школами субъективного идеализма. Правосознание, хотя и отражает мир, не является его точным слепком. Как верно показал Кант, объективная реальность отражается в человеческом сознании не непосредственно, а посредством априорных форм этого сознания. Модель политико-правовой реальности, отраженная в сознании, есть не просто результат мыслительных, чисто логических операций. Она выражает ценностные установки субъекта, сформированные конкретной культурно-исторической средой. Применительно к природе человеческого познание ограничено только несовершенством исследовательских средств, сама истина, открытая естествознанием, достаточно точно воспроизводит реальность. Наука не знает всех свойств материи, но те знания, которыми она обладает, являются истинной в самом строгом смысле слова. Познание государства и права, произведенное на разных уровнях, такого знания не дает. Даже научное познание политико-правовой реальности всегда отягощено ценностными и идеологическими установками. Правосознание общества в целом или его социальных групп — это совокупность весьма пестрых представлений о государстве и праве, сформированных на основе по большей части обыденного сознания. Даже правосознание политического класса, который по своей профессиональной принадлежности должен лучше других разбираться в политико-юридической практике, как правило, имеет весьма субъективное о ней представление. Правящий класс, ставящий перед страной цели во внутренней и внешней политике, руководствуется не столько знаниями о политико-юридической реальности, сколько целесообразностью. Политики, чтобы достичь своих целей, должны, конечно, иметь адекватное представление о действительности и в этом смысле быть заинтересованными в объективном знании, но законы политической борьбы заставляют это знание игнорировать. Например, история войн — это во многом история нерешенных задач, недостигнутых целей, история ошибок и заблуждений, заканчивавшихся

огромными людскими и материальными потерями. Правосознание подвластного населения — вещь еще более субъективная. Представления масс о своем государстве и праве во многом зависят от материальных условий жизни, особенностей исторического развития и культуры. Политические настроения масс весьма подвижны, поскольку обусловлены стремлением удовлетворить свой интерес. Поскольку массы оценивают власть с точки зрения ее возможностей удовлетворить их интересы, ни о какой объективности речи идти не может. Например, если государство ставит перед собой цель существенно повысить обороноспособность страны за счет увеличения расходов и повышения сроков службы по призыву, в обществе это может вызвать возмущение. Казалось бы, обороноспособность страны — сфера публичного интереса, в ней должно быть заинтересовано все общество, но оно, как правило, не готово платить за это слишком высокую цену. Правосознание масс напрямую связано с уровнем их материального благополучия. Если проводимая властью политика (внешняя или внутренняя) способствует повышению благосостояния масс, она ими поддерживается, если нет — власть вызывает раздражение вплоть до беспорядков, бунтов и революций.

Общественная и нормативная природа правосознания. Человек — стадное существо, он всегда жил в коллективе. Сознание индивидов формируется в ходе совместной практической деятельности по созданию материальной и духовной культуры. Коллективный разум — это отнюдь не метафора, а факт действительности. Конечно, разумом обладает не коллектив в целом, а входящие в него индивиды. Именно они при помощи речи формулируют свои мысли и передают их другим. Но только общественное сознание способно накапливать и передавать социальный опыт другим поколениям. Формирование индивида как социального существа возможно только в коллективе, который передает ему набор представлений о правилах совместной жизни и ценностные установки. Сознание индивида всегда существует как часть общественного сознания, получая от последнего возможные модели социально значимого поведения. Общественное сознание объективируется в форме духовной и материальной культуры и в этом качестве фиксирует, хранит и распространяет на всех индивидов нормы, ценности и институты.

Поскольку государство и право — результат совместного творчества людей, явления человеческой культуры, правосознание также носит общественный и нормативный характер. Идеалисты и материалисты по-разному объясняют природу нормативности правосознания. С точки зрения идеалистов, в основе правосознания лежит некое идеальное начало (идея — у Платона, мировой

разум — у Гегеля, категорический императив у Канта и т.п.), что предопределяет становление государства и права. Идеальное начало либо прямо, либо косвенно связывается с Богом, с актом его творения. Нормы религиозного и этического сознания, утверждают идеалисты, хотя и связаны с политико-правовой реальностью, не вытекают из нее и ею не формируются. Напротив, религия и этика являются той необходимой основой, на которой возникают государство и право. Последовательность здесь устанавливается следующая: в результате акта творения появляются люди, одаренные Богом разумом и нормами социального поведения, затем формируются социальные отношения, создаются институты и, наконец, появляются государство и право. В данном случае правосознание становится первичной реальностью, связывающей людей с помощью идеальных норм в институты власти. Государство и право в своих эмпирических проявлениях оказываются необходимым следствием действия норм, изначально заложенных в правосознание. Нормативность, присущая государству и праву как эмпирическим феноменам, есть продолжение идеальной нормативности правосознания. Согласно данной логике, государство и право возникают и функционируют в силу требований норм, присущих правосознанию. Нормативность правосознания, изначально заложенная Богом, трансформируется в социальные нормы, пронизывающие ткань эмпирической политико-правовой реальности. Очевидно, что идеалисты предложили умозрительную метафизическую конструкцию, хотя и объясняющую связь правосознания, государства и права, но построенную на аксиомах и допущениях.

Концепция материалистов выглядит менее схоластично, но также построена в конечном счете на умозрительных допущениях. В соответствии, например, с марксистской позицией, нормы политико-правовой культуры формируются не на основе неких априорных принципов бытия, изначально присущих сознанию, а в процессе практической деятельности. Коллектив формирует нормы, необходимые ему для регулирования определенных сфер деятельности, они закрепляются в сознании и поведении. Здесь нормативность правосознания носит вторичный по отношению к политико-правовой действительности характер. Нормы, зафиксированные в правосознании, оказываются продуктом естественноисторического развития общества. Существование норм в виде идеальных логических конструкций, расположенных в правосознании, никак, согласно марксизму, не доказывает их автономности и сверхприродного или внеприродного происхождения. Марксистская позиция выглядит убедительнее в том смысле, что здесь есть внятное, конкретно-историческое объяснение происхождения

социальных норм. Вместе с тем главный вопрос о соотношении правосознания и политико-правовой реальности марксизм решает в метафизическом ключе, т.е. исходит из допущения о первичности бытия (материи) и вторичности сознания.

И идеалисты, и материалисты в построении своих гипотез отталкиваются от нескольких очевидных фактов: 1) возникновение и функционирование государства и права есть результат действия каких-то норм; 2) правосознание и политико-правовая реальность связаны между собой; 3) правосознание так же, как и политико-правовая реальность, нормативно. Государство и право — часть культуры, т.е. результат духовно-практической деятельности людей. Культура — это всегда совокупность норм, направленных на социализацию индивидов и подчиняющих их интересам большинства. При помощи сознания нормы культуры формулируются, устанавливаются, обеспечивается их исполнение. Правосознание и политико-правовая практика представляют собой единство в том смысле, что они — части единой культуры. Нормы культуры выполняют связующую роль между правосознанием, государством и правом. Они цементируют как правосознание, так и политико-юридическую практику. Так что факт нормативности правосознания, государства и права не вызывает сомнений. Ответ о первичности правосознания или политико-правового бытия быть дан не может.

Относительная автономность и активность правосознания. Провести границу между правосознанием и политико-правовой реальностью можно только с большой долей условности. Если рассматривать правосознание как отражение данной реальности, то такая граница вроде бы имеет место, если же под правосознанием понимать способ ее существования, то граница почти исчезает. Повторим: государство и право состоят из двух нераздельных частей — идеальной (правосознания) и материальной. Только их совокупность, их единство дают жизнь государству и праву. Вместе с тем можно говорить об известной автономности каждой из частей. Активность правосознания предполагает, как минимум, два аспекта. Во-первых, активность правосознания можно понимать в идеалистическом духе: как творящую силу идеального источника. Так, в философии Платона мир идей дает жизнь миру вещей, идея государства предшествует феномену государства. Философы в диалоге «Государство» потому и стоят у власти, поскольку видят мир идей, а значит, способны реализовать их в действительности. В данном случае идеальное начало посредством философов активно воздействует на политико-правовую реальность, изменяя ее по своим лекалам. Похожую ситуацию мы находим в метафизике Аристотеля, у которого форма обладает активным началом, материя — пассивным. Он

приводит пример медного шара, где медь — пассивная материя, форма шара — активное начало. Аналогично решается вопрос о государстве: активное начало — форма (идея) государства, пассивное — материя в виде людей и других материальных объектов. При соединении формы и материи, идеи государства и ее физического субстрата возникает реальное государство.

Во-вторых, активность правосознания можно рассматривать и как способность людей влиять на государство и право. Политико-правовая реальность — вещь объективная, складывающаяся в результате влияния многочисленных факторов. Все нормы, ценности и институты, связанные со становлением и функционированием государства и права, хотя и проходят через сознание и волю людей, выступают в виде объективной реальности, противостоящей обществу. Общество и его социальные группы могут иметь свое представление о сложившейся политико-правовой реальности, могут желать ее изменений и стремиться к ним, но от этого сама реальность остается прежней и продолжает жить по своим собственным законам. Общественное правосознание, как бы оно ни оценивало себя и существующие государство и право, само является фактом реальности, имеющей свою силу инерции и не склонной к быстрым изменениям. Вместе с тем правосознание, обладая известной автономностью, способно выступать в качестве активной преобразующей силы. Данная позиция нашла свою развернутую аргументацию в субъективной социологии П.Л. Лаврова. Лавров хотя и признает существование объективного мира, но считает, что представлен он человеку исключительно в его сознании, т.е. субъективно. В духе кантианской гносеологии утверждается, что при изучении предметов материального мира «мы изучаем не самые предметы, а наши представления и понятия о них, самих же предметов воспринимать не можем»². Иными словами, «объективное» как категория, отражающая предметы материального мира, по природе своей субъективна, так как относится к сфере мысли. Если довести до логического предела развиваемые Лавровым идеи, то выходит, что «для человека наиболее очевидной реальностью оказывается сознание как его непосредственная для себя реальность»³, а «“мыслящая личность” — это источник реального мира, мир же — продукт развития мышления»⁴.

² Лавров П.Л. О методе в социологии. Письмо в редакцию «Знания» // Южаков С.Н. Социологические этюды. М., 2008. С. 595.

³ Кувакин В.А. Мыслители России: избр. лекции по истории русской философии. М., 2005. С. 185.

⁴ Пустарнаков В.Ф. Философия народничества // История русской философии: учеб. для вузов / под ред. М.А. Маслина. М., 2001. С. 244.

Лавров практически отождествляет фактическую человеческую историю с концепцией истории, идеальный образ государства и права — с их действительными прототипами. Поскольку социальная материя, с его точки зрения, определяется главным образом сознанием, именно в нем следует искать закономерности и движущие силы истории, механизмы социальных отношений и институтов. Но речь в данном случае идет не об общественном сознании, а об индивидуальном. Главная роль здесь отводится так называемым критически мыслящим личностям: именно их индивидуальное сознание определяет ход истории, создает социальные формы (государство и право), обеспечивает их прогрессивное развитие. В контексте такой логики государство и право оказываются в конечном счете проекцией, продуктом индивидуального сознания. Факт их существования удостоверяется личностным восприятием, опирающимся на соответствующий ценностный идеал. Поскольку реальность настоящего, по Лаврову, вырастает из видения прошлого, существующие государство и право есть творческий акт познающего сознания. Мысль не только творит историю государства и права и живет в ней, она определяет их будущее и настоящее. Современные государство и право таковы, каковыми они видятся субъекту в их исторической ретроспективе. Субъективное сознание, создавая концепцию исторического бытия политико-правовых институтов, фактически закладывает их будущие основы. Таким образом, государство и право оказываются результатом не столько естественно-исторического процесса, сколько познающей активности субъекта. Государство и право в этом смысле глубоко субъективны, они живут по законам познающего сознания, а социологические законы их рождения, развития и функционирования относятся к сфере сознания субъекта (народа, правящего класса, отдельных лиц).

Закономерным следствием такого подхода выглядела апелляция Лаврова к критически мыслящей личности как главной движущей силе истории: именно такие личности своей волей и разумом определяют ход развития государства и права в сторону прогресса. Иными словами, в основу государства и права была положена не экономика, и даже не политика, а сознание и воля личности, ее творческая деятельность. Субъективная социология указывала на сознательно-волевую установку активного меньшинства как на подлинную природу государства и права. Пример тому — народническая теория революции, где последняя рассматривалась как проекция субъективного сознания вовне, внешняя форма проявления идеала. Новые государство и право, следуя логике Лаврова, возникают из горнила революции потому, что сознание революционной группы уже содержит некие

императивы будущей государственности. Революционное сознание субъекта разрушает массовые стереотипы власти- и правоотношений и навязывает сознанию большинства новые нормы поведения в сфере политики и права.

Можно, конечно, спорить с Платоном, Аристотелем и Лавровым по деталям их концепций, но их принципиальная позиция об активной роли правосознания не вызывает возражений. Правосознание становится «материальной силой» потому, что оно выражает интересы и цели масс. В правосознании складывается та модель поведения, которая будет избрана в качестве базовой для власти и подвластных. Люди не могут, конечно, предсказать своего будущего, и история развивается не так, как они этого хотели бы, но сознательно-волевые усилия по изменению политико-правовой действительности дают свои результаты. Так, буржуазные революции, с одной стороны, были подготовлены экономическим развитием европейских стран и в этом отношении были объективно обусловлены, но, с другой — правовое государство никогда бы не возникло, если бы не сформировался правовой идеал буржуазии. Применительно к России можно сказать то же самое. Как верно отмечал Н.А. Бердяев, большевистская диктатура стала естественным следствием господства коммунистических идей в крестьянской массе. Россия, полагал он, неуклонно двигалась к коммунизму и обречена была переболеть им. Большевики удачно использовали коммунистические архетипы русской архаики. Вместе с тем и переоценивать преобразующие возможности правосознания также не следует. Общественное правосознание — феномен весьма консервативный, связанный с бытом и укладом жизни народа. Представления как масс, так и политического класса о государстве и праве не могут располагаться слишком далеко от сложившегося уклада, так как отрыв от него грозит опасным прожектерством. Попытка власти навязать подвластному населению свою политико-правовую модель, оторванную от сложившихся форм жизни, способна свергнуть страну в гражданскую войну.

Виды, уровни и структура правосознания

Виды правосознания. Классификация правосознания — вещь весьма условная, хотя и имеет некоторую эвристическую ценность, поскольку позволяет посмотреть на него с разных сторон.

Правосознание можно разделить по *субъектам* на *индивидуальное*, *групповое* и *общественное*. Носителями правосознания являются люди, а потому правосознание всегда кому-то принадлежит: индивиду, социальной группе или обществу в целом. Данная классификация ценна тем, что позволяет проанализировать соотношение между силой воздействия индивидуального, группового

и общественного правосознания. Не вызывает сомнения, что индивидуальное правосознание всегда подчинено коллективному. Человек формируется, социализируется в конкретно-исторической среде, впитывая в себя с детства стереотипы восприятия государства и права. Индивид, как правило, даже не осознает (или не вполне осознает) своей связанности стереотипами массового восприятия политико-правовой реальности. Человек может сознательно отстаивать свои ценностные установки и при этом даже не подозревать об их коллективистской природе. Вместе с тем правосознание располагается не в абстрактной социальной среде, а в головах конкретных людей, что заставляет сомневаться в существовании коллективного правосознания как факта действительности. Так, например, считали представители субъективной социологии в России (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский), для которых единственной реальностью была личность, а общество — пустая абстракция. Только конкретная личность способна быть носителем сознания (правосознания), и в ней следует видеть единственный субъект истории. Такая установка была вызвана политико-идеологическими соображениями: поскольку крестьянская масса обнаруживала косность и неспособность быть революционной силой, такой силой объявлялась «критически мыслящая личность», т.е. революционная интеллигенция. Несмотря на всю дискуссионность субъективной социологии, она предложила оригинальное решение традиционной философской темы о роли личности в истории. Гегель, например, полагал, что мировую историю делают «герои», с помощью войны создавая мировые империи, массы — послушное средство в их руках. «Герои» — проявление мирового духа, они не обязаны заботиться об обеспечении счастливой жизни людей, но вправе разрушать ее, если это — требование мирового разума. «Героев» нельзя судить с моральной точки зрения, они подсудны только истории, мировому разуму. Можно вспомнить также большевиков, которые силой своей воли навязали России новый общественно-политический строй, на протяжении десятков лет при помощи страха удерживая огромную страну в повиновении. Большевики создали новую государственность, навязав массам свое представление о политике, государстве и праве. На это, правда, можно возразить набором серьезных аргументов. Так, например, в русской эмигрантской среде было широко распространено мнение, согласно которому большевизм есть модернизированная крестьянская архаика, правосознание русского мужика, отлитое в форму советской власти. Если под таким углом зрения посмотреть на большевизм, то последний оказывается не субъектом истории, а лишь одним из проявлений русского имперского правосознания, сложившегося

еще в эпоху Московского царства и определившего судьбу России в XX столетии. Таким образом, соотношение индивидуального, группового и общественного правосознания упирается в мировоззренческие, ценностные вопросы, от которых и зависит то или иное их решение.

По *характеру общественно-экономической формации* различают правосознание *рабовладельческого, феодального, буржуазного и социалистического* общества. Методологическое значение формационной типологии состоит в том, что она позволяет посмотреть на общество как на системный объект. Категория общественно-экономической формации придает, казалось бы, разрозненным элементам общественной жизни (экономике, политике, государству, праву, морали, религии, искусству, науке) системное единство. Марксу удалось показать связь между капиталистическим способом производства и буржуазным государством и правом. Согласно марксизму, способ производства — материальные отношения, государство и право — идеологические отношения, существующие в сфере сознания. Между этими двумя сферами происходит прямое и опосредованное взаимодействие. Буржуа, борясь за свободу промышленной и торговой деятельности, за развитие товарного хозяйства, с неизбежностью переходят к политическим требованиям. Рыночная экономика требует создания правового демократического государства, опирающегося на принцип разделения властей и гарантирующего права и свободы граждан. Экономический эгоизм буржуа неуклонно ведет его к борьбе за свободу в политике. Молодое буржуазное государство ставило перед собой цель сделать всех равными перед законом и защитить свободу рынка, где капиталист и пролетарий выступают как равные контрагенты (один покупает рабочую силу, другой ее продает). Как бы ни сопротивлялись различные слои общества новому порядку (дворянство, крестьяне, духовенство, пролетарии), сила экономического развития вовлекала их в капиталистические отношения, навязывая новые представления об экономике, государстве и праве. Данный факт нашел свое отражение, например, в социологии М. Вебера. Он попытался использовать формационную типологию для обоснования своей теории, согласно которой капитализм возник благодаря протестантской этике. Для немецкого социолога буржуазная культура представляет собой некое единство материального и идеального, единство экономических, религиозных, моральных и политических отношений, ценностей и идей. И Маркс, и Вебер, несмотря на различие их позиций, сходны в одном: капитализм как общественный строй отличается единством всех его элементов. Капитализм — факт жизни, пропитавший все поры западноевропейского общества и отразившийся в его

правосознании. Правосознание буржуазного общества есть органическая сумма представлений о государстве и праве всех, вовлеченных в капиталистическое производство. То же самое можно сказать о других типах общества. Так, тип общества, рожденный практикой реального социализма во главе с СССР, также имел свое специфическое правосознание. Общественное правосознание при советской власти — совокупность представлений, обусловленных командной экономикой, уравнительным распределением и тотальным контролем со стороны партийной диктатуры. Все слои советского населения (рабочие, крестьяне, интеллигенция, партийная и советская номенклатура) были пронизаны данным типом власти, все они были подчинены единым стереотипам ее восприятия, хотя и со своими нюансами. Советский человек — это особый культурный тип, его правосознание — смесь русской крестьянской архаики и коммунистических идеологических клише. В современной России советское правосознание продолжает быть широко распространенным.

По *отношению к власти* правосознание может быть *анархистским* и *этатистским*. Под анархизмом обычно понимают полное отрицание власти во всех ее проявлениях, этатизм есть вмешательство государства во все сферы жизни общества. Анархизм и этатизм как типы правосознания в чистом виде нигде и никогда не встречаются, разделить их можно лишь логически, в мысли. Любое общество всегда есть сочетание обоих типов. Психология масс амбивалентна по своей природе, массы одновременно и анархичны, и требуют власти. Человеческий коллектив не может строиться иначе, как по принципу иерархии. Иерархия — тот стержень, без которого общество разрушается. Теоретики анархизма (П.Ж. Прудон, М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин) предлагали проект безвластного общества, основанного на договоре свободных лиц, но при первом рассмотрении оказывалось, что речь идет о все тех же властных отношениях, только получивших другую интерпретацию. Вместе с тем история человечества — это история бунтов против власти, где анархический компонент правосознания проявлял себя в полную силу. Массы в значительной мере анархичны, поскольку воспринимают государственную власть как препятствие к удовлетворению своих интересов. Этатизм и анархизм как типы правосознания обусловлены объективными условиями жизни людей. Общий интерес заставляет людей объединяться в общество, создавать устойчивые социальные формы, в том числе государство. Люди заинтересованы в едином и твердом правопорядке, безопасности, а потому согласны жить в условиях государства. Этатистский компонент многократно усиливается во времена бедствий, например при нападении врага. Народ объединяется вокруг своей

власти с целью выживания в борьбе с агрессором. В этатизме буржуазного государства был заинтересован пролетариат, поскольку с его помощью на капиталистов была возложена обязанность предоставлять ему социальные гарантии. С конца XIX в. буржуазное государство на Западе становится этатистским. Этатизм был востребован, когда сначала в России, затем во многих странах Запада и Востока было построено тоталитарное государство. Его создавал политический класс, точнее — один из его сегментов в виде радикальных партий, но тоталитаризм был в значительной мере поддержан широкими слоями населения. Сама общемировая тенденция, обнаруживающая себя за тысячи лет писаной истории человечества, состоит в том, что государство развивается по направлению все большего его всевластия. Анархистское правосознание не обладает такой силой, как этатистское, и не так востребовано, но каждый раз дает себя знать, когда власть начинает восприниматься по большей части негативно. Это происходит, например, на фоне усиления эксплуатации со стороны экономически господствующих классов. В данном случае вину за свои материальные лишения народ возлагает на государственную власть, справедливо полагая, что благодаря ей поддерживается существующая система эксплуатации. Так, бунты в эпоху европейского и русского Средневековья нередко приобретали идеологическое оформление в виде ересей, которые содержали не только антифеодальные и антикрепостнические, но также антигосударственные требования. На рубеже XX—XXI вв. на Западе возникает движение антиглобалистов, настроенное враждебно к традиционным формам либеральной государственности и тем самым демонстрирующее анархизм.

Имеет смысл выделять правосознание по *культурно-историческому, этническому и конфессиональному основанию*. Так, выделяют правосознание стран Востока, Запада, России, правосознание русское, немецкое, китайское, правосознание христиан православных, протестантов, мусульман, атеистов. Поскольку государство и право — всегда часть национальной культуры, они несут на себе ее отпечаток. Общественное правосознание, отражая политико-правовую реальность той или иной страны, также наполняется национальным содержанием. Так, историческая школа права убедительно показала, что как нет абстрактного человека, «человека вообще», так нет и не может быть абстрактного государства и права, и то, и другое формируются и существуют исключительно в конкретной культурно-исторической среде. Представители данной школы именно потому и считали обычное право главным источником права, что в нем аккумулировались национальная культура и психология народа. Переход от обычного права к нормативному акту как ведущему источнику права, за

которым стояла не национальная традиция, а воля суверена, воспринимался ими как разрушение национальной культуры. Действительно, капитализм в значительной мере унифицировал законодательство различных стран Европы, поскольку законы рынка везде одни и те же. Особенно способствовал унификации законодательства процесс политической интеграции, приведшей к образованию Евросоюза. Тем не менее специфика национальных правовых систем продолжает ощущаться довольно сильно. Функционирование государственного аппарата, правоприменительная практика могут заметно отличаться даже в странах Евросоюза. Правовая психология немцев, французов, итальянцев или англичан существенно влияет на правотворчество и правоприменение.

Правосознание связано и с религией, но данная связь опосредована национальной культурой. Если сравнивать правосознание и правовые системы, например, христианских народов и мусульманских, то их резкое различие в решающей степени основано на религиозных особенностях. В данном случае можно уверенно говорить о правосознании христиан и мусульман, поскольку особенности этих видов правосознания формируются самими религиями. Применительно к правосознанию народов, принадлежащих к одной религии, такого уровня гомогенности уже не наблюдается. Так, европейские народы, принявшие христианство, хотя и стали сходны в наиболее общих мировоззренческих установках, не утратили своего национального своеобразия: немец не перестал быть немцем, англичанин — англичанином, а француз — французом. Деление некогда единой христианской церкви на различные конфессии еще более снижало степень единства христианских народов. Более того, одна и та же конфессия, распространенная в разных странах, приобретала национальные черты. Русские консерваторы XIX — начала XX в., например, много говорили о своеобразии русского православия, пытаясь доказать таким способом некую особую миссию русского народа. Между католическими странами также может быть больше различий, чем сходства. Психология и культура народов Италии, Испании, Франции и Польши заметно отличаются, как отличаются их правовые системы. Протестантизм в Германии и Англии никак не сблизил их правовые системы, между английским правом и германским различия огромные. Таким образом, классификация правосознания по религиозному основанию имеет право на жизнь, но с учетом фактора национальной культуры.

По *временному критерию* правосознание разграничивают на *архаичное и современное*. Прошлое (архаика) и современность — понятия относительные, так как трудно провести между ними четкую разделительную линию. Как, например, провести

границу между прошлым и настоящим применительно к народам, продолжающим жить в условиях каменного века? Если быт и сознание этих народов не менялись на протяжении последних тысяч лет, прошлое и современность для них сливаются в неразличимом единстве. Пространство и время как категории человеческого бытия определены параметрами (количественными и качественными) культуры, а значит, являются вещами весьма условными. Противопоставление архаического правосознания и современного подразумевает наличие ценностной шкалы координат, но проблема в том, что у каждой культуры она своя. Как верно отмечали Н.Я. Данилевский и О. Шпенглер, национальные культуры в значительной мере самоценны, самодостаточны и замкнуты. Они вырабатывают собственные критерии совершенства, свое представление о времени. Так, для европейцев характерно понятие модернизма, который, как они полагают, начался в эпоху Возрождения, а его содержанием стало формирование светской культуры, не зависящей от церкви и религии. Модернизм достигает своего расцвета в эпоху Просвещения, когда на основе рационализма возникает культ науки и техники, предопределивший техногенную цивилизацию Запада. Западноевропейский модернизм стал той осью ценностных координат, согласно которой страны и народы, отставшие в научном и техническом отношении от Запада, объявлялись отсталыми, архаичными. Политико-правовая культура мерилась (и продолжает мериться) теми же критериями: буржуазная демократия, правовое государство считаются образцами, отклонение от них есть проявление отсталости; правосознание народов Запада, создавших правовую государственность, — прогрессивное, современное, правосознание народов, не имеющих этого, — отсталое, архаичное. Если соотносить правосознание и правовые системы стран Запада и, например, арабского Востока, живущего по шариату, то кто-то может, видимо, назвать правосознание мусульман архаичным. Но очевидно, что это будет некорректное сравнение, поскольку речь идет о разных культурах. Логика появляется много больше, если сравнивать исторические периоды одной культуры, культуры одного народа. Так, вполне можно говорить об архаике русского средневекового правосознания или правосознания средневековой Англии, сравнивая его с современным правосознанием обеих стран. Но и в данном случае требуются оговорки. Между Великой хартией вольностей 1215 г. и современным английским политико-правовым устройством вроде бы лежит длинная временная дистанция, но в ценностном отношении связь прямая и очень короткая. Современная демократия в Англии потому и стала возможной, что общественное правосознание постоянно возвращалось к ее истокам, т.е. к данному документу.

С Россией ситуация другая. Правовая система современной России предлагает политико-правовые стандарты, ничего не имеющие общего с русским Средневековьем, дистанция здесь огромная. В данном случае правомерно противопоставлять эти два периода как современный — архаичному. И опять-таки здесь следует сделать оговорку. Правовая система Московского царства действительно выглядит полной архаикой в сравнении с правовой системой современной России. Если же сравнивать правосознание данных эпох, разрыв между ними не кажется таким очевидным. Многие константы русского правосознания не меняются уже несколько столетий вплоть до настоящего времени. Русская архаика и по сей день ощущается в современном общественном правосознании.

Уровни правосознания. Уровень правосознания показывает глубину и специфику восприятия государства и права. По *характеру восприятия* политико-правовой реальности различают три уровня: *психологический, идеологический, научно-теоретический*. Психологический уровень — самый поверхностный. На психологическом уровне субъект (индивид, социальная группа, общество) воспринимает государство и право эмоционально, спонтанно, наиболее естественным образом. Человек может, конечно, контролировать внешнее проявление своих эмоций, но это не отменяет самого факта эмоционального отношения. Эмоциональный фон восприятия государства и права есть та первичная реальность, от которой субъект отталкивается, вырабатывая свое отношение к ней. Зачастую сознание лишь ищет аргументы, чтобы обосновать сформировавшееся эмоциональное отношение, поскольку эмоции зачастую оказываются сильнее доводов разума. Вместе с тем разум также может оказывать влияние на эмоции. Изучение свойств государства и права дает субъекту новые знания, способные изменить его психологическое отношение к ним. Идеологический уровень — более глубокий, поскольку здесь сознание представлено в большей степени. Идеологическое восприятие политико-правовой реальности — это восприятие через призму своих интересов. В данном случае эмоции играют менее значимую роль, поскольку субъект, чтобы четко установить предмет своего интереса, должен обращаться к аргументам разума, а не эмоциям. Человек, осознав свои интересы, в дальнейшем оценивает государство и право с той точки зрения, помогают они ему или мешают в достижении его интереса. Правосознание на идеологическом уровне отражает объективные свойства политико-правовой реальности, как правило, искаженно. Идеологическое восприятие обусловлено не поиском истины, а удовлетворением интереса. Самый глубокий уровень постижения политико-правовой реальности — научно-теоретический.

Субъект, используя инструментарий научного познания, способен получить вполне адекватное знание о государстве и праве. Но здесь следует сделать две существенные оговорки. Во-первых, научно-теоретический уровень — принадлежность отнюдь не массового сознания, а узкой группы специалистов. Массы воспринимают реальность в основном на эмоциональном и идеологическом уровнях. Во-вторых, даже правосознание ученых всегда отягощено эмоциональным, идеологическим и ценностным компонентами. Поскольку речь идет о явлениях культуры (государство и право — элементы культуры, а значит, вещи принципиально относительные), строго научное знание в данном случае невозможно.

По *субъектам* выделяют три уровня восприятия политико-правовой реальности: *обыденный (эмпирический)*, *научный (теоретический)*, *профессиональный*. На обыденном уровне субъект воспринимает государство и право на основе первичных впечатлений, без глубокой теоретической их переработки. Обыденный уровень восприятия присущ каждому человеку независимо от его образования, профессиональной деятельности, положения в обществе или занимаемой должности. Поскольку обыденный уровень тесно связан с эмоциональным и идеологическим восприятием, знания данного уровня поверхностны и зачастую страдают искаженностью. Вместе с тем следует понимать, что именно на обыденном уровне формируются глубинные психологические стереотипы и ценностные установки, определяющие поведение индивида. Человек может даже не осознавать своих обыденных представлений, накопленных эмпирическим путем, не давать себе в них отчета, но при этом теснейшим образом от них зависеть. Так, аристократическое происхождение Платона и Аристотеля, несомненно, сказалось на их понимании государства и права. Они оба — сторонники аристократии (правления лучших), презирующие демократию. Выходец из социальных низов Ж.-Ж. Руссо ненавидел сословный строй и обосновывал ценность демократии. Примеры можно продолжать бесконечно. Научно-теоретический уровень восприятия политико-правовой действительности представлен у ученых, профессиональный — у работников, связанных с практической политико-юридической деятельностью. Очевидно, что ученый-юрист и юрист-практик могут совпадать в одном лице, поскольку один человек может одновременно заниматься и наукой, и юридической практикой.

Таким образом, индивидуальное, групповое и общественное правосознание всегда имеет обыденный уровень, частично — профессиональный (в той мере, в какой юридическая профессия представлена в государстве и обществе) и совсем

фрагментарно — научно-теоретический. Повторим, обыденное знание хотя и поверхностно в смысле отражения истины, но залегает весьма глубоко в сознании и подсознании. Серьезная стрессовая ситуация, а тем более социальный катаклизм поднимают из глубин сознания именно первичное, самое элементарное, обыденное восприятие государства и права, предавая забвению теоретическое и профессиональное знание. Общественное правосознание ориентируется не на высокую теорию и профессиональную культуру юристов, а на свои базовые, сформированные эмпирическим путем представления о политико-правовой реальности. Так, в России дореволюционный преподавательский корпус довольно быстро отказался от «буржуазно-помещичьей юридической науки», приняв идеологические клише новой «пролетарской власти». Университетская профессура, встроившись в советский строй, дружными усилиями начала перелопачивать буржуазное знание на марксистский лад, попутно себя убеждая в правоте марксизма. Общественное правосознание современной России также определяется не профессиональным или научным знанием, а бытовым представлением масс. Работа следствия, суда, пенитенциарной системы, функционирование представительной и исполнительной ветвей власти в решающей степени зависят не от профессионального или научного правосознания, а от обыденного. Коррупция и злоупотребление служебным положением диктуются отнюдь не законом, а бытовыми представлениями людей о должном и недолжном поведении. Следует подчеркнуть, что данное соотношение между разными уровнями правосознания универсально и применимо к любой стране. Проблема здесь состоит в том, чтобы поднять уровень массового правосознания до научного и профессионального, насколько это возможно.

Структура правосознания. Структура правосознания теснейшим образом связана со структурой самого сознания. Обычно элементами сознания считают мышление, память, ценности, волю, эмоции. Если попытаться сгруппировать их, сознание может быть сведено к трем основным элементам: рациональному, ценностному, эмоциональному. Первый демонстрирует способность сознания создавать мыслительную модель окружающего мира, второй формирует избирательность сознания в отношении предметов материальной и идеальной реальности, третий выражает эмоциональное отношение индивида к действительности. Между тремя компонентами существует тесная связь. Они взаимно влияют друг на друга. Правосознание — одна из форм общественного сознания, т.е. это то же сознание, но уже отражающее политико-правовую реальность. Правосознание также содержит три компонента — *рациональный, ценностный и эмоциональный*.

Рациональный компонент традиционно называют в отечественной литературе правовой идеологией, эмоциональный — *правовой психологией, ценности* в качестве компонента правосознания стали упоминаться только в последнее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кувакин В.А.* Мыслители России: избр. лекции по истории русской философии. М., 2005. С. 185.
2. *Лавров П.Л.* О методе в социологии. Письмо в редакцию «Знания» // *Южаков С.Н.* Социологические этюды. М., 2008. С. 595.
3. *Пустарнаков В.Ф.* Философия народничества // История русской философии: учеб. для вузов / под ред. М.А. Маслина. М., 2001. С. 244.

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

4. *Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. Т. 4: Наука логики — Сигети.* М., 1967. С. 185.

REFERENCES

1. *Kuvakin V.A.* Thinkers of Russia: elected. lectures on the history of Russian philosophy. M., 2005. P. 185 (in Russ.).
2. *Lavrov P.L.* On the method in sociology. Letter to the editor "Knowledge" // *Yuzhakov S.N.* Sociological studies. M., 2008. P. 595 (in Russ.).
3. *Pustarnakov V.F.* Philosophy of narodism // History of Russian philosophy: Textbook for students for universities / ed. M.A. Maslin. M., 2001. P. 244 (in Russ.).
4. *Philosophical encyclopedia: in 5 vols. / chief ed. F.V. Konstantinov. Vol. 4: Science of logic — Sigeti.* M., 1967. P. 185 (in Russ.).

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of theory of state and law and political science of the faculty of law at Lomonosov Moscow state University; 1 Leninskie Gory, building 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia